

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТСТВА | LEGAL PSYCHOLOGY OF CHILDHOOD

Научная статья | Original paper

Субъективное одиночество и психологическое благополучие лиц юношеского возраста с высоким уровнем агрессивности

Е.Л. Буслаева^{1,2}✉, Н.В. Власова¹

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

² Московский государственный лингвистический университет, Москва, Российская Федерация

✉ moselena2201@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Проблема агрессивности молодого поколения не теряет своей актуальности, поскольку возрастает тенденция проявления жестокости, физического насилия среди молодежи. **Цель** исследования состояла в выявлении особенностей субъективного одиночества и психологического благополучия у лиц юношеского возраста с высоким уровнем агрессивности. **Гипотеза** заключалась в предположении о том, что у лиц юношеского возраста существуют особенности переживания субъективного одиночества и психологического благополучия, которые имеют разные уровни и связи показателей, в отличие от их сверстников с низким уровнем агрессивности. **Методы и материалы.** Выборку составили учащиеся общеобразовательной школы ($n = 76$) в возрасте 16–18 лет ($M = 17$, $SD = 0,7062$), 42 юноши и 34 девушки. Были использованы методики: опросник уровня агрессивности Басса—Перри ВРАQ (адаптация и валидизация С.Н. Ениколопова, Н.П. Цибульского); методика «Личностная агрессивность и конфликтность» (Е.П. Ильин, П.А. Ковалев); дифференциальный опросник переживания одиночества ДОПО-3 (Е.Н. Осин, Д.А. Леонтьев); опросник «Шкала психологического благополучия» (К. Рифф, адаптация Л.В. Жуковской, Е.Г. Трошихиной). **Результаты** исследования выявили высокие значения по показателям одиночества и низкие значения по показателям благополучия у лиц с высоким уровнем агрессивности, в отличие от респондентов с низким уровнем агрессивности. Обнаружены различия связей показателей агрессивности, одиночества и психологического благополучия в двух группах и схожие отрицательные связи проблемного одиночества с позитивными отношениями с окружающими и общего одиночества с психологическим благополучием в обеих группах. **Выводы.** Лица юношеского возраста с высоким и низким уровнем агрессивности имеют значимые различия по всем критериям переживания

Буслаева Е.Л., Власова Н.В. (2025)
Субъективное одиночество и психологическое
благополучие лиц юношеского возраста
с высоким уровнем агрессивности
Психология и право, 15(3), 107—121.

Buslaeva, E.L., Vlasova, N.V. (2025)
Subjective Loneliness and Psychological
Well-Being of Adolescents
with High Aggressiveness
Psychology and Law, 15(3), 107—121.

одиночества и психологического благополучия. Агрессивность дает более сильное переживание одиночества и снижает психологическое благополучие личности.

Ключевые слова: агрессивность, агрессивное поведение, одиночество, переживание одиночества, психологическое благополучие, юношеский возраст

Для цитирования: Буслаева, Е.Л., Власова, Н.В. (2025). Субъективное одиночество и психологическое благополучие лиц юношеского возраста с высоким уровнем агрессивности. *Психология и право*, 15(3), 107—121. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150308>

Subjective Loneliness and Psychological Well-Being of Adolescents with High Aggressiveness

E.L. Buslaeva^{1,2}✉, N.V. Vlasova¹

¹ Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

² Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

✉ moselena2201@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. The problem of the younger generation aggressiveness does not lose its relevance, as the tendency of cruelty and physical violence among young people is increasing. **The aim of the study** was to identify the features of subjective loneliness and psychological well-being in adolescents with a high aggression level. **The hypothesis** was based on the assumption that adolescents have specific experiences of subjective loneliness and psychological well-being, which have different levels and correlations of indicators, unlike their peers with low levels of aggression. **Materials and methods.** The sample consisted of secondary school students (N = 76) aged 16-18 years (M = 17, SD = 0.7062), 42 male/34 female. The following methods were used: “Bass-Perry aggression level questionnaire” BPAQ (adaptation and validation by S.N. Enikolopov, N.P. Cybulsky); “Personal aggressiveness and conflict” (E.P. Ilyin, P.A. Kovalev); “Differential questionnaire of loneliness experience”, DOPO-3 (E.N. Osin, D.A. Leontiev); “Scale of psychological well-being” (K. Riff, adaptation by L.V. Zhukovskaya, E.G. Troshikhina). **The results** of the study revealed high values in terms of loneliness and low values in terms of well-being among people with a high level of aggression, in contrast to respondents with a low level of aggression. Differences in the relationships between aggression, loneliness, and psychological well-being were found in the two groups, and similar negative associations of problematic loneliness with positive relationships with others and general loneliness with psychological well-being in both groups. **Conclusions.** Adolescents with high and low levels of aggression have significant differences in all criteria of experiencing loneliness and psychological well-being. Aggression gives a stronger experience of loneliness and reduces the psychological well-being of the individual.

Буслаева Е.Л., Власова Н.В. (2025)
Субъективное одиночество и психологическое
благополучие лиц юношеского возраста
с высоким уровнем агрессивности
Психология и право, 15(3), 107—121.

Buslaeva, E.L., Vlasova, N.V. (2025)
Subjective Loneliness and Psychological
Well-Being of Adolescents
with High Aggressiveness
Psychology and Law, 15(3), 107—121.

Keywords: aggressiveness, aggressive behavior, loneliness, experiencing loneliness, psychological well-being, adolescence

For citation: Buslaeva, E.L., Vlasova, N.V. (2025). Family relationships and social network addiction as factors of suicidal behavior in adolescents. *Psychology and Law*, 15(3), 107—121. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150308>

Введение

В современном мире проблема агрессивности молодого поколения не теряет своей актуальности, поскольку возрастает проявление жестокости среди молодежи. Среди факторов роста агрессивности в юношеской среде выступают глобализация, создающая жесткие условия конкуренции и порождающая новые формы агрессии, и возрастающий уровень общей агрессивности в обществе. В контексте данной проблемы значимо всестороннее изучение агрессивной личности. «Агрессивность является личностным свойством, выражающимся в готовности к деструктивному поведению» (Реан, Коновалов, 2019).

Анализ отечественных и зарубежных исследований последних лет по проблеме агрессивного поведения молодежи показал, что «...причины и мотивы агрессивного поведения в полной мере остаются не исследованы, несмотря на обилие попыток раскрыть природу агрессивного общественно опасного поведения» (Гребнева, Слободенюк, Вариясова, 2019).

Агрессивность личности в юношеском возрасте может проявляться как причина и следствие имеющихся у него проблем в установлении социальных и межличностных отношений; в то же время агрессивное поведение «...нередко является средством его самоутверждения и самореализации во взаимодействии со сверстниками и взрослыми» (Буслаева, Власова, 2024).

Юношеский возраст является сложным периодом, так как переживаемый кризис взросления выражается во внутренних конфликтах, в неудовлетворенности, сомнении и неуверенности в себе. При отсутствии доверительных отношений в близком окружении возникает чувство одиночества, которое является особым психическим состоянием, эмоциональным переживанием, возникающим в результате фрустрации потребности в общении с другими людьми (Зинченко, 2015), а «...неудачный опыт взаимодействия может привести к намеренному отчуждению и избеганию людей» (Буслаева, 2020). Существует прямая связь переживания одиночества с привязанностью, ситуативной и личностной тревожностью, эмоциональной неустойчивостью у подростков и юношей (Мишина, Воробьева, 2023).

В психологии существуют различные трактовки феномена одиночества. В контексте данного исследования базовым выступает подход Д.А. Леонтьева, определяющий одиночество в общем виде «...как психологическое состояние переживания себя как не вовлеченного в связи с другими людьми» (Леонтьев, 2011). Феномен одиночества не следует рассматривать только с позиции негативного проявления. Д.А. Леонтьев выделяет в структуре переживания одиночества три фактора: общее одиночество, зависимость от общения и позитивное одиночество. Для самоактуализирующейся личности одиночество является в большей степени эмоционально позитивным состоянием, дающим возможность для рефлексии и внутреннего развития личности. Вынужденное одиночество приводит к ощущению своей ненужности, неудовлетворенности жизнью и другим психологическим

проблемам, снижая психологическое благополучие личности. (Леонтьев, 2011). Переживание одиночества как проблемы затрудняет процесс самореализации и самоопределения в обществе, препятствует саморазвитию и оказывает деструктивное влияние на личность, создавая различные социальные проблемы.

Переживание одиночества как проблемы может затруднять процесс самореализации и самоопределения в обществе, препятствовать саморазвитию и оказывать деструктивное влияние на личность, создавать различные социальные проблемы, повышать уровень агрессивности и усиливать чувства одиночества. Пытаясь компенсировать трудно складывающиеся отношения в реальности, подростки и юноши уходят в виртуальное пространство, которое позволяет путем выдуманной самопрезентации «...создавать социально одобряемый привлекательный виртуальный образ» (Корниенко, Руднова, 2024).

Психологическое благополучие в юношеском возрасте играет существенную роль в формировании гармоничной личности, поскольку оказывает влияние на личностное самоопределение, формирование психосоциальной идентичности и предопределяет последующее формирование личности в зрелом возрасте. «В результате успешной социализации в юношеском возрасте формируется здоровая идентичность, психодиагностическим показателем которой является психологическое благополучие личности» (Хриптович, 2021).

К. Рифф определяет психологическое благополучие как позитивное функционирование личности, которое формируется за счет внутренних стремлений человека в виде жизнеспособности, саморазвития и самореализации и по своей структуре отражает максимально возможное использование человеком своего внутреннего потенциала (Ryff, 1989).

В исследованиях отечественных психологов выявлены различные аспекты агрессивности, субъективного одиночества и психологического благополучия лиц юношеского возраста. Эмпирически доказаны отрицательные связи агрессивности и самоактуализации, как показателя психологического благополучия (Заусенко, 2019); субъективного благополучия и интернет-зависимости (Никитченко, Коротеева, 2023); количества и силы переживания воспринимаемых стрессоров и психологического благополучия (Галашева, Головей, 2023); уровня агрессивности и самооценки, самоэффективности и скромности (Реан и др., 2024); зависимость усиления переживания одиночества и снижения психологической безопасности личности от ориентированности на социум (Стрижицкая, Муртазина, Петраш, 2024). Это лишь некоторая часть исследований отечественных авторов, поскольку аналитический обзор в полной мере не представляется возможным в рамках данной статьи.

Для зарубежных исследований также актуальны проблемы агрессивности, одиночества и психологического благополучия в подростковом и юношеском возрасте, что подтверждает масштаб проблемы для мирового сообщества. В зарубежной периодизации возрастного развития период 15—18 лет относится к подростковому возрасту, поэтому имеются расхождения в названиях возрастных периодов по сравнению с российским подходом.

В кросскультурном исследовании Garcia, Sagone, De Caroli, Al Nima были выявлены различия понимания субъективного и психологического благополучия у итальянских и шведских подростков (16—18 лет), обусловленные влиянием национальных и культурных особенностей (Garcia et al., 2017). Moksnes, Bjørnsen, Eilertsen и Espnes показали влияние пола, возраста и самооценки социально-экономического статуса на переживание одиночества и психологическое благополучие норвежских подростков (от 15 до 21 года) (Moksnes et al., 2021).

Буслаева Е.Л., Власова Н.В. (2025)
Субъективное одиночество и психологическое
благополучие лиц юношеского возраста
с высоким уровнем агрессивности
Психология и право, 15(3), 107—121.

Buslaeva, E.L., Vlasova, N.V. (2025)
Subjective Loneliness and Psychological
Well-Being of Adolescents
with High Aggressiveness
Psychology and Law, 15(3), 107—121.

Исследования турецких психологов выявили влияние социальной интеграции и изоляции в школе на одиночество и психологическое благополучие (Gökmen, 2021), влияние жизнестойкости и одиночества на психологическое благополучие (İme, Çakır, 2024), влияние высокого уровня социальной тревожности на усиление одиночества и снижение субъективного благополучия (Öztekin, 2024).

Индийские психологи на основе теории социального научения и социального сравнения показали сильное влияние социальных сетей на агрессию и одиночество (Amian, Mahadevaswamy, 2024).

Исследования индонезийских психологов подтвердили отрицательную связь уровня одиночества и субъективного благополучия у респондентов 13—18 лет (Angelina, Shausan, Wijaya, 2024), связь между показателями одиночества и субъективного благополучия, опосредованную такими переменными, как самооффективность и социальная онлайн-поддержка (Victory, Sahrani, 2025).

Таким образом, актуальность проблем агрессивности, субъективного одиночества и психологического благополучия в юношеском возрасте в современных условиях отмечается в отечественных и зарубежных исследованиях и нуждается в изучении в различных аспектах.

Материалы и методы

Цель исследования состояла в выявлении особенностей субъективного ощущения одиночества и психологического благополучия у лиц юношеского возраста с высоким уровнем агрессивности. Гипотеза исследования заключалась в предположении о том, что у лиц юношеского возраста существуют различия в переживании субъективного одиночества и психологического благополучия, которые имеют разные уровни и связи показателей, в сравнении с их сверстниками, имеющими низкий уровень агрессивности.

Для формирования исследуемых групп респондентов с высоким и низким уровнями агрессивности был использован «Опросник уровня агрессивности» Басса—Перри ВРАQ (адаптация и валидизация С.Н. Ениколопова, Н.П. Цибульского), в котором приняли участие 162 учащихся 9—11-х классов общеобразовательной школы г. Москвы. В основном исследовании приняли участие 76 человек (42 юноши и 34 девушки) в возрасте 16—18 лет ($M = 17$, $SD = 0,7062$), у которых был выявлен высокий или низкий уровень агрессивности. Учащиеся со средним уровнем агрессивности в дальнейшем исследовании участия не принимали.

Исследование проводилось путем сравнительного анализа результатов исследуемых групп респондентов, полученных на основе следующих методик: методика «Личностная агрессивность и конфликтность» (Е.П. Ильин, П.А. Ковалев); дифференциальный опросник переживания одиночества ДОПО-3 (Е.Н. Осин, Д.А. Леонтьев); Шкала психологического благополучия (К. Рифф, адаптация Л.В. Жуковской, Е.Г. Трошихиной). Для обработки полученных результатов применен непараметрический критерий Манна—Уитни для независимых выборок и коэффициент корреляции Спирмена.

Результаты

По результатам «Опросника уровня агрессивности» Басса—Перри, который проводился на 162 учащихся 9—11-х классов, были выявлены респонденты с высоким ($M = 88,15$, $SD = 6,22$)

Буслаева Е.Л., Власова Н.В. (2025)
Субъективное одиночество и психологическое благополучие лиц юношеского возраста с высоким уровнем агрессивности
Психология и право, 15(3), 107—121.

Buslaeva, E.L., Vlasova, N.V. (2025)
Subjective Loneliness and Psychological Well-Being of Adolescents with High Aggressiveness
Psychology and Law, 15(3), 107—121.

(32 человека), средним ($M = 59,046$, $SD = 6,518$) (86 человек) и низким ($M = 42,72$, $SD = 5,23$) (44 человека) уровнями общей агрессивности. Для дальнейшего исследования были сформированы две группы испытуемых: группа 1, которую составили респонденты юношеского возраста с высоким уровнем агрессивности — 32 человека (20 юношей и 12 девушек) и группа 2, в которую вошли 44 человека (17 юношей и 27 девушек) с низким уровнем агрессивности.

Для полноты характеристики агрессивности респондентов двух групп была проведена методика «Личностная агрессивность и конфликтность» Е.П. Ильина, П.А. Ковалева, по результатам которой выявлены высокие значения у лиц с высоким уровнем агрессивности по всем шкалам, в отличие от респондентов с низким уровнем агрессивности. Полученные результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

Личностная агрессивность и конфликтность (Е.П. Ильин, П.А. Ковалев)
Personal aggressiveness and conflict (E.P. Ilyin, P.A. Kovalev)

Показатели / Indicators	Группа 1 / Group 1 (N = 32)	Группа 2 / Group 2 (N = 44)	U _{эмп} / U	Значение p / P-value
	M (SD)	M (SD)		
Вспыльчивость / Short temper	7,4 (2,03)	4,59 (1,97)	241,5**	< 0,00001
Напористость / Assertiveness	7,1 (2,05)	4,88 (1,81)	312,5**	< 0,00001
Обидчивость / Uchiness	7,3 (2,12)	4,5 (1,92)	261**	< 0,00001
Неуступчивость / Intransigence	7,4 (1,69)	4,75 (1,82)	199,5**	< 0,00001
Бескомпромиссность / Uncompromising	7,2 (1,88)	4,34 (1,928)	220**	< 0,00001
Мстительность / Vindictiveness	7,1 (1,89)	4,70 (1,47)	251,5**	< 0,00001
Нетерпимость к мнению других / Intolerance of the opinions of others	6,9 (2,03)	4,72 (1,62)	327,5**	< 0,00001
Подозрительность / Suspicion	7,3 (2,06)	4,15 (1,75)	195**	< 0,00001
Позитивная агрессивность / Positive aggressiveness	14,5 (2,29)	9,68 (2,57)	120,5**	< 0,00001
Негативная агрессивность / Negative aggression	13,9 (3,11)	9,43 (2,20)	175,5**	< 0,00001
Конфликтность / Conflictness	29,21 (5,02)	17,59 (3,91)	56**	< 0,00001

Примечание: M (SD) — среднее значение (стандартное отклонение); «**» — различия статистически значимы при $p \leq 0,01$; Группа 1 — лица с высоким уровнем агрессивности; Группа 2 — лица с низким уровнем агрессивности.

Note: M (SD) — average value (standard deviation); «**» — The result is significant at $p \leq 0,01$; Group 1 — people with a high level of aggression; Group 2 — people with low levels of aggression.

Дифференциальный опросник переживания одиночества ДОПО-3 Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева позволил выявить значения характеристик переживания одиночества. Для подтверждения достоверности различий применен критерий Манна—Уитни. Полученные результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2 / Table 2

**Результаты методики «Дифференциальный опросник переживания одиночества»
ДОПО-3 Е.Н. Осина, Д.А. Леонтьева**

Results of Differential Questionnaire of Loneliness, short version, by E.N. Osin, D.A. Leontiev

Субшкалы / Subscales	Группа 1 / Group 1 (N = 32)	Группа 2 / Group 2 (N = 44)	U _{мн} / U	Значение p / P-value
	M (SD)	M (SD)		
Изоляция / Isolation	15 (5,34)	8,61 (2,96)	108**	< 0,00001
Субъективное переживание одиночества / Subjective loneliness	14,1 (3,07)	8,36 (2,79)	130,5**	< 0,00001
Отчуждение / Alienation	13,1 (3,37)	8,7 (2,766)	251,5**	< 0,00001
Дисфория одиночества / Loneliness dysphoria	13,9 (2,98)	8,11 (2,76)	120**	< 0,00001
Одиночество как проблема / Loneliness as a problem	13,9 (3,10)	8,48 (2,62)	138,5**	< 0,00001
Потребность в компании / The need for a company	13,7 (3,54)	8,3 (3,23)	223**	< 0,00001
Радость уединения / Solitude as a pleasure	5,6 (1,79)	12,4 (2,35)	3**	< 0,00001
Ресурс уединения / Solitude as a resource	10,5 (3,24)	17,05 (3,07)	91**	< 0,00001
Показатели интегральных шкал / Integral scales indicators				
Общее одиночество / General loneliness	42,16 (5,31)	25,68 (4,42)	10**	< 0,00001
Зависимость от общения / Dependence on communication	27,78 (4,64)	16,59 (3,59)	31**	< 0,00001
Позитивное одиночество / Positive loneliness	29,18 (3,61)	16,09 (4,23)	1,5**	< 0,00001

Примечание: M (SD) — среднее значение (стандартное отклонение); «**» — различия статистически значимы при $p \leq 0,01$; Группа 1 — лица с высоким уровнем агрессивности; Группа 2 — лица с низким уровнем агрессивности.

Note: M (SD) — average value (standard deviation); «**» — The result is significant at $p \leq 0,01$; Group 1 — people with a high level of aggression; Group 2 — people with low levels of aggression.

Полученные результаты показали высокие значения почти по всем промежуточным субшкалам у лиц с высоким уровнем агрессивности, кроме субшкал «Радость уединения» и «Ресурс уединения». По интегральным показателям «Зависимость от общения» и «Позитивное одиночество» значения находятся на среднем уровне, показатель шкалы «Общее одиночество» имеет высокое значение.

У респондентов с низким уровнем агрессивности по промежуточным шкалам «Радость уединения» и «Ресурс уединения» обнаружен высокий уровень значений, по остальным — средний, по интегральным шкалам «Зависимость от общения» и «Позитивное одиночество» значения находятся на низком уровне, по шкале «Общее одиночество» — на среднем уровне. Результаты по двум группам имеют достоверные различия при $p < 0,01$.

Таким образом, лица юношеского возраста с высоким и низким уровнем агрессивности имеют различия на уровне статистической значимости по всем критериям переживания одиночества.

Буслаева Е.Л., Власова Н.В. (2025)
Субъективное одиночество и психологическое благополучие лиц юношеского возраста с высоким уровнем агрессивности
Психология и право, 15(3), 107—121.

Buslaeva, E.L., Vlasova, N.V. (2025)
Subjective Loneliness and Psychological Well-Being of Adolescents with High Aggressiveness
Psychology and Law, 15(3), 107—121.

Для изучения показателей психологического благополучия использовался опросник «Шкала психологического благополучия» (К. Рифф, адаптация Л.В. Жуковской, Е.Г. Трошихиной). Достоверность различий в группах с разным уровнем агрессивности подтверждена критерием Манна—Уитни. Результаты представлены в табл. 3.

Таблица 3 / Table 3

Результаты методики «Шкала психологического благополучия» К. Рифф
Results on the method “Scale of psychological well-being” by K. Riff

Шкалы / Scales	Группа 1 / Group 1 (N = 32)	Группа 2 / Group 2 (N = 44)	U _{эмп} / U	Значение p / P-value
	M (SD)	M (SD)		
Автономность / Autonomy	44,5 (11,88)	63,39 (10,20)	173,5**	< 0,00001
Управление окружением / Managing the social environment	45,4 (12)	64,93 (9,65)	163**	< 0,00001
Личностный рост / Personal growth	43,4 (11,79)	63,91 (8,67)	136,5**	< 0,00001
Позитивные отношения / Positive relationships	43,8 (13,42)	63,75 (8,78)	187,5**	< 0,00001
Жизненные цели / Life goal	48,5 (12,13)	64,16 (8,56)	229,5**	< 0,00001
Самопринятие / Self-acceptance	44,4 (13,227)	65,77 (9,19)	146**	< 0,00001
Психологическое благополучие / Psychological well-being	270,09 (26,79)	385,91 (23,52)	112,5**	< 0,00001

Примечание: M (SD) — среднее значение (стандартное отклонение); «**» — различия статистически значимы при $p \leq 0,01$; Группа 1 — лица с высоким уровнем агрессивности; Группа 2 — лица с низким уровнем агрессивности.

Note: M (SD) — average value (standard deviation); «**» — The result is significant at $p \leq 0,01$; Group 1 — people with a high level of aggression; Group 2 — people with low levels of aggression.

По результатам исследования психологического благополучия в группе респондентов с высоким уровнем агрессивности были выявлены низкие показатели по всем шкалам. В группе респондентов с низким уровнем агрессивности все показатели обнаружены на среднем уровне. В обеих группах высокие показатели критериев психологического благополучия не обнаружены. Результаты по двум группам имеют достоверные различия при $p < 0,01$. Таким образом, лица юношеского возраста с высоким и низким уровнем агрессивности имеют различия на уровне статистической значимости по всем критериям психологического благополучия.

Корреляционный анализ характеристик агрессивности и показателей субшкал методик «Субъективное одиночество» и «Психологическое благополучие» по группам проводился с помощью коэффициента Спирмена и позволил выявить различия связей по группам. Результаты корреляционного анализа показали отсутствие схожих связей у лиц с высоким и низким уровнями агрессивности между характеристиками агрессивности и показателями субъективного одиночества и психологического благополучия.

У респондентов с высоким уровнем агрессивности выявлены отрицательные связи нетерпимости к мнению других и зависимостью от общения ($r_s = -0,438$ при $p \leq 0,05$), напористости и радости уединения ($r_s = -0,232$ при $p \leq 0,05$) и положительные связи вспыльчивости и изоляции ($r_s = 0,443$ при $p \leq 0,05$), обидчивости и отчуждения ($r_s = 0,359$ при $p \leq 0,05$), нетерпимости к мнению других и отчуждения ($r_s = 0,392$ при $p \leq 0,05$), нетерпимости к мнению других и изоляции ($r_s = 0,363$ при $p \leq 0,05$).

У респондентов с низким уровнем агрессивности обнаружена положительная связь неуступчивости и дисфории ($r_s = 0,332$ при $p \leq 0,05$), нетерпимости к мнению других и общим одиночеством ($r_s = 0,336$ при $p \leq 0,05$), а также отрицательная связь между нетерпимостью к мнению других и позитивными отношениями с окружающими ($r_s = -0,358$ при $p \leq 0,05$).

Корреляционный анализ показателей субшкал методик «Субъективное одиночество» и «Психологическое благополучие» проводился с помощью коэффициента Спирмена и позволил выявить различия связей по группам. В табл. 4 приведены только те субшкалы, по которым были обнаружены значимые связи.

Таблица 4 / Table 4

**Значимые корреляции между показателями методик
«Субъективное одиночество» и «Психологическое благополучие» в двух группах
Significant correlations between the indicators of the methods
“Subjective loneliness” and “Psychological well-being” in two groups**

Субшкалы / Subscales	Позитивные отношения с окружающими / Positive relationships with others		Психологическое благополучие / Psychological well-being	
	Группа 1 / Group 1 (N = 32)	Группа 2 / Group 2 (N = 44)	Группа 1 / Group 1 (N = 32)	Группа 2 / Group 2 (N = 44)
Изоляция / Isolation	–0,438*	–	–	–
Субъективное переживание одиночества / Subjective experience of loneliness	–	–0,377*	–	–
Отчуждение / Alienation	–0,436*	–	–0,392*	–
Проблемное одиночество / Oneliness as a problem	–0,480*	–0,408*		–
Общее одиночество / General loneliness	–0,332*	–	–0,424*	–0,356*

Примечание: «*» — корреляция значима на уровне 0,05 (двусторонняя); «**» — корреляция значима на уровне 0,01 (двусторонняя); Группа 1 — лица с высоким уровнем агрессивности; Группа 2 — лица с низким уровнем агрессивности.

Note: «*» — correlation is significant at the 0,05 level (two-sided); «**» — correlation is significant at the 0,01 level (two-sided); Group 1 — people with a high level of aggression; Group 2 — people with low levels of aggression.

Значимые связи были обнаружены не по всем субшкалам методик, по данным обеих групп. У респондентов с высоким уровнем агрессивности выявлена отрицательная связь субшкалы

«Позитивные отношения с окружающими» с такими показателями одиночества, как изоляция, отчуждение, проблемное одиночество и общее одиночество, а также между психологическим благополучием и отчуждением, психологическим благополучием и общим одиночеством.

У респондентов с низким уровнем агрессивности обнаружена отрицательная связь показателей шкалы «Позитивные отношения с окружающими» со значениями шкалы «Субъективное переживание одиночества» и шкалы «Проблемное одиночество», а также отрицательная связь между психологическим благополучием и общим одиночеством.

Таким образом, выявлены схожие для двух групп отрицательные связи проблемного одиночества с позитивными отношениями с окружающими и общего одиночества с психологическим благополучием.

Обсуждение

Цель исследования заключалась в выявлении особенностей субъективного одиночества и психологического благополучия лиц юношеского возраста с высоким уровнем агрессивности. Результаты исследования показали высокий уровень переживания ими субъективного одиночества в целом и по отдельным критериям в частности, в отличие от их сверстников с низкой агрессивностью. Они сложнее переживают отсутствие близких доверительных, дающих взаимопонимание контактов с другими людьми, не видят в одиночестве позитивных аспектов, не воспринимают его как возможность для рефлексии, самопознания и саморазвития. Отсутствие доверительных отношений с окружающими и неумение их выстраивать усугубляется свойственными агрессивной личности вспыльчивостью, напористостью, обидчивостью, неуступчивостью, бескомпромиссностью, мстительностью, подозрительностью и нетерпимостью к мнению других.

Полученные результаты показали низкий уровень психологического благополучия у лиц юношеского возраста с высоким уровнем агрессивности. Они не удовлетворены собой, испытывают скуку и незаинтересованность в жизни, не проявляют открытости в межличностных отношениях, сложно находят компромисс, что создает проблемы в установлении межличностных отношений, и не склонны к саморазвитию.

Проблемное одиночество отрицательно коррелирует с наличием позитивных отношений с окружающими для юношей и девушек независимо от уровня агрессивности. Позитивные отношения с окружающими оказались самым значимым показателем в отношении субъективного благополучия для обеих групп респондентов, что еще раз доказывает значимость общения для юношеского возраста.

Полученные результаты не выявили связи психологического благополучия и его составляющих с позитивным одиночеством в юношеском возрасте ни в одной группе респондентов. Им не свойственно воспринимать одиночество как возможность переосмысления и рефлексии, что доказывает сложность этого возрастного периода, поскольку переживаемый кризис взросления выражается в ощущении внутреннего конфликта, неудовлетворенности, в сомнении и неуверенности в себе. Отсутствие жизненного опыта, необходимого для решения сложных ситуаций, делает их уязвимыми при возникающих проблемах.

Наличие связи переживания одиночества с психологическим благополучием личности, выявленное в данном исследовании, согласуется с отечественными и зарубежными

исследованиями, описанными выше, в которых указанные феномены изучались в других ракурсах.

Новизна данного исследования состоит в том, что феномены субъективного одиночества и психологического благополучия изучены в контексте личностных характеристик агрессивных респондентов юношеского возраста, что дополняет фонд исследований по проблемам агрессивности, одиночества и психологического благополучия личности.

Заключение

1. Лица юношеского возраста с высоким и низким уровнем агрессивности имеют различия на уровне статистической значимости по всем критериям переживания одиночества и психологического благополучия.

2. Лица юношеского возраста с высоким уровнем агрессивности сильнее переживают субъективное одиночество и не ощущают психологического благополучия, в отличие от своих сверстников с низким уровнем агрессивности.

3. У лиц юношеского возраста с высоким и низким уровнем агрессивности отсутствуют схожие связи между характеристиками агрессивности и показателями субъективного одиночества и психологического благополучия.

4. Бескомпромиссность, обидчивость, вспыльчивость, нетерпимость к мнению других, свойственные агрессивным личностям, положительно связаны с отчуждением и изоляцией, усиливая субъективное одиночество.

5. Независимо от уровня агрессивности проблемное одиночество отрицательно связано с позитивными отношениями с окружающими, а общее одиночество — с психологическим благополучием.

Результаты исследования могут быть использованы в практике оказания психологической помощи при разрешении проблем субъективного одиночества и психологического благополучия при наличии высокого уровня агрессивности.

Проявление агрессивности может быть причиной и следствием изоляции, усугубляющей переживание одиночества и снижающей психологическое благополучие личности, и приводить к рискам появления других эмоциональных и поведенческих проблем.

Актуальны дальнейшие исследования в контексте полученных результатов, направленные на выявление связи агрессивности и одиночества с другими характеристиками личности, влияния внешних и внутренних факторов на повышение/снижение агрессивности и проблемного одиночества в юношеском возрасте, а также для более глубокого и всестороннего понимания проблем агрессивной личности.

Ограничения исследования. В качестве ограничений проведенного исследования следует отметить отсутствие половой дифференциации респондентов при анализе результатов, а также самооценивание респондентов по предлагаемым опросникам, что не исключает социальной желательности их ответов.

Limitations of the study. The limitations of the study include the lack of gender differentiation of respondents when analyzing the results, as well as self-assessment of respondents according to the proposed questionnaires, which does not exclude the social desirability of their answers.

Буслаева Е.Л., Власова Н.В. (2025)
Субъективное одиночество и психологическое
благополучие лиц юношеского возраста
с высоким уровнем агрессивности
Психология и право, 15(3), 107—121.

Buslaeva, E.L., Vlasova, N.V. (2025)
Subjective Loneliness and Psychological
Well-Being of Adolescents
with High Aggressiveness
Psychology and Law, 15(3), 107—121.

Список источников / References

1. Буслаева, Е.Л. (2020). Проблема одиночества в студенческом возрасте. В: А.Ю. Нагорнова (ред.), *Феномен одиночества в современном обществе: Коллективная монография* (с. 5—15). Ульяновск: Зебра. <https://elibrary.ru/item.asp?id=44416310>
Buslaeva, E.L. (2020). The problem of loneliness in college age. In: A.Yu. Nagornova (Ed.), *The phenomenon of loneliness in modern society: Collective monograph* (pp. 5—15). Ulyanovsk: Zebra Publ. (In Russ.). <https://elibrary.ru/item.asp?id=44416310>
2. Буслаева, Е.Л., Власова, Н.В. (2024). Особенности межличностного взаимодействия подростков, склонных к проявлению агрессии. *Психология и право*, 14(2), 33—44. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140203>
Buslaeva, E.L., Vlasova, N.V. (2024). Characteristics of Interpersonal Interaction of Adolescents Prone to Aggression. *Psychology and Law*, 14(2), 33—44. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140203>
3. Галашева, О.С., Головей, Л.А. (2023). Повседневный стресс и психологическое благополучие мальчиков и девочек подросткового возраста. *Психология человека в образовании*, 5(4), 500—511. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-4-500-511>
Galasheva, O.S., Golovey, L.A. (2023). Everyday stress and psychological well-being of male and female adolescents. *Psychology in Education*, 5(4), 500—511. (In Russ.). <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-4-500-511>
4. Гребнева, Н.Н., Слободенюк, М.А., Вариясова, Е.В. (2019). Аналитический обзор исследований по проблеме агрессивного общественно опасного поведения молодежи. *Психология и право*, 9(4). 134—148. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090410>
Grebneva, N.N., Slobodenuk, M.A., Variyasova, E.V. (2019). Analytical review of studies on the problem of aggressive socially dangerous behavior of youth. *Psychology and Law*, 9(4). 134—148. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090410>
5. Заусенко, И.В. (2019). Связь агрессивности и самоактуализации личности. *Педагогическое образование в России*, 6, 131—137. <https://doi.org/10.26170/po19-06-18>
Zausenko, I.V. (2019). The relationship of aggressiveness and self-actualization of personality. *Pedagogical Education in Russia*, 6, 131—137. (In Russ.). <https://doi.org/10.26170/po19-06-18>
6. Зинченко, Е.В. (2015). Одиночество. В: А.А. Бодалев (ред.), *Психология общения: энциклопедический словарь* (с. 98—99). М.: Когито-Центр. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007581576> (дата обращения: 10.03.2025).
Zinchenko, E.V. Loneliness. In: A.A. Bodalev (Ed.), *Psychology of communication: an encyclopedic dictionary* (pp. 98—99). Moscow: Kogito-Tsentr Publ. (In Russ.). <https://search.rsl.ru/ru/record/01007581576> (viewed: 10.03.2025).
7. Корниенко, Д.С., Руднова, Н.А. (2024). Фальшивая самопрезентация подростков в социальных сетях: связь с характеристиками использования социальных сетей и одиночеством. *Социальная психология и общество*, 15(2), 47—64. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150204>
Kornienko, D.S., Rudnova, N.A. (2024). Adolescents' false Self-Presentation in Online Social Networks: Relationship with Social Media Use, Motives, and Loneliness. *Social Psychology and Society*, 15(2), 47—64. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2024150204>
8. Леонтьев, Д.А. (2011). Экзистенциальный смысл одиночества. *Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия*, 2(19), 101—108. URL:

Буслаева Е.Л., Власова Н.В. (2025)
Субъективное одиночество и психологическое
благополучие лиц юношеского возраста
с высоким уровнем агрессивности
Психология и право, 15(3), 107—121.

Buslaeva, E.L., Vlasova, N.V. (2025)
Subjective Loneliness and Psychological
Well-Being of Adolescents
with High Aggressiveness
Psychology and Law, 15(3), 107—121.

<https://istina.msu.ru/publications/article/1207508/> (дата обращения: 18.02.2025).

Leontiev, D.A. (2011). The existential meaning of loneliness. *Existential Tradition: Philosophy, Psychology, Psychotherapy*, 19(2), 101—108. (In Russ.). URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/1207508/> (viewed: 18.02.2025).

9. Мишина, М.М., Воробьева, К.А. (2023). Психологические аспекты субъективного ощущения одиночества у подростков и юношей. *Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»*, 1, 70—85. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2023-1-70-85>
Mishina, M.M., Vorob'eva, K.A. (2023). Psychological aspects of the subjective feeling of loneliness in adolescents and young men. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, 1, 70—85. (In Russ.). <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2023-1-70-85>
10. Никитченко, И.А., Коротева, Е.М. (2023). Взаимосвязь субъективного благополучия, жизненной перспективы, переживания одиночества и интернет-зависимости в юношеском возрасте: гендерный аспект. *Вестник Омского университета. Серия: Психология*, 2, 29—38. <https://doi.org/10.24147/2410-6364>
Nikitchenko, I.A., Koroteeva, E.M. (2023). The relationship of subjective well-being, life prospects, loneliness and internet addiction in adolescence: gender aspect. *Herald of Omsk University. Series: Psychology*, 2, 29—38. (In Russ.). <https://doi.org/10.24147/2410-6364>
11. Реан, А.А., Егорова, А.В., Коновалов, И.А., Ставцев, А.А., Шевченко, А.О., Кузьмин, Р.Г. (2024). Взаимосвязь рисков агрессивности студенческой молодежи с показателями самоэффективности, самооценки и скромности. *Психологическая наука и образование*, 29(6), 21—34. <https://doi.org/10.17759/pse.2024290602>
Rean, A.A., Egorova, A.V., Konovalov, I.A., Stavtsev, A.A., Shevchenko, A.O., Kuzmin, R.G. (2024). The Relationship between the Risks of Aggression among University Students and Indicators of Self-Efficacy, Self-Esteem, and Humility. *Psychological Science and Education*, 29(6), 21—34. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/pse.2024290602>
12. Реан, А.А., Коновалов, И.А. (2019). Проявление агрессивности подростков в зависимости от пола и социально-экономического статуса семьи. *Национальный психологический журнал*, 1(33), 23—33. <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0103>
Rean, A.A., Konovalov, I.A. (2019). Manifestation of the aggression in adolescents depending on gender and socio-economic status of the family. *National Psychological Journal*, 1(33), 23—33. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0103>
13. Стрижицкая, О.Ю., Муртазина, И.Р., Петраш, М.Д. (2024). Одиночество и ориентированность на социум: модулирующая роль возраста, пола и психологического благополучия. *Консультативная психология и психотерапия*, 32(1), 103—121. <https://doi.org/10.17759/cpp.2024320105>
Strizhitskaya, O.Yu., Murtazina, I.R., Petrash, M.D. (2024). Loneliness and Sociotropy: the Moderation Effect of Age, Gender and Psychological Well-Being. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 32(1), 103—121. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/cpp.2024320105>
14. Хриптович, В.А. (2021). Психологическое благополучие как показатель успешности социализации в юношеском возрасте. В: *Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. Выпуск 21. Часть 4* (с. 401—410). Минск: РИВШ. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46651060> (дата обращения: 22.03.2025).
Khriptovich, V. A. (2021). Psychological well-being as an indicator of socialization success in

Буслаева Е.Л., Власова Н.В. (2025)
Субъективное одиночество и психологическое
благополучие лиц юношеского возраста
с высоким уровнем агрессивности
Психология и право, 15(3), 107—121.

Buslaeva, E.L., Vlasova, N.V. (2025)
Subjective Loneliness and Psychological
Well-Being of Adolescents
with High Aggressiveness
Psychology and Law, 15(3), 107—121.

young people. In: *Scientific works of the Republican Institute of Higher Education. Historical and psychological-pedagogical sciences. Issue 21. Part 4* (pp. 401—410). Minsk: Republican Institute of Higher Education Publ. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46651060> (viewed: 22.03.2025).

15. Amian, N., Mahadevaswamy, P. (2024). Conceptual Paper: The Impact of Social Media Usage on Aggression and Loneliness in Adolescents. *Shanlax International Journal of Arts, Science and Humanities*, 12(S1), 44—51. <https://doi.org/10.34293/sijash.v12iS1-i2-Oct.8417>
16. Angelina, A., Shausan, A., Wijaya, E. (2024). The Role of Loneliness on Subjective Well-Being in Adolescents. *Edunity Kajian Ilmu Sosial dan Pendidikan*, 3, 1269—1275. <https://doi.org/10.57096/edunity.v3i12.352>
17. Gökmen, A. (2021). School belongingness, well-being, and mental health among adolescents: exploring the role of loneliness. *Australian Journal of Psychology*, 73(1), 70—80, <https://doi.org/10.1080/00049530.2021.1904499>
18. Garcia, D., Sagone, E., De Caroli, M., Al Nima, A. (2017). Italian and Swedish adolescents: Differences and Associations in Subjective Well-Being and Psychological Well-Being. *PeerJ – Life and Environment*, 5, Article e2868. <https://doi.org/10.7717/peerj.2868>
19. İme, Y., Çakır, E. (2024). The link between bullying victimization, loneliness, resilience, and mental well-being in adolescents. *Ceskoslovenska Psychologie*, 68, 490—500. <https://doi.org/10.51561/cspsych.68.6.490>
20. Moksnes, U.K., Bjørnsen, H.N., Eilertsen, M.-E.B., Espnes, G.A. (2021). The role of perceived loneliness and sociodemographic factors in association with subjective mental and physical health and well-being in Norwegian adolescents. *Scandinavian Journal of Public Health*, 50(4), 432—439. <https://doi.org/10.1177/1403494821997219>
21. Öztekin, G.G. (2024). The Effects of Social Anxiety on Subjective Well-Being among Adolescents: The Mediating Roles of Mindfulness and Loneliness. *Iğdır Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi*, 36, 220—236. <https://doi.org/10.54600/igdirsosbilder.1433959>
22. Ryff, C.D. (1989). Happiness is everything of psychological well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*, 59, 1069—1081. <https://doi.org/10.1037//0022-3514.57.6.1069>
23. Victory, J., Sahrani, R. (2025). Hubungan Antara Loneliness dan Subjective Well-being yang Dimediasi oleh Online Social Support dan Self-efficacy pada Individu Dewasa Awal yang Menggunakan Media Sosial di Indonesia. *Jurnal Manajemen Pendidikan Dan Ilmu Sosial*, 6, 362—381. <https://doi.org/10.38035/jmpis.v6i1.3089>

Информация об авторах

Елена Леонидовна Буслаева, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация; доцент кафедры психологии и педагогической антропологии, Институт гуманитарных и прикладных наук, Московский государственный лингвистический университет (ФГБОУ ВО МГЛУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1913-9198>, e-mail: moselena2201@yandex.ru

Наталья Викторовна Власова, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва,

Буслаева Е.Л., Власова Н.В. (2025)
Субъективное одиночество и психологическое
благополучие лиц юношеского возраста
с высоким уровнем агрессивности
Психология и право, 15(3), 107—121.

Buslaeva, E.L., Vlasova, N.V. (2025)
Subjective Loneliness and Psychological
Well-Being of Adolescents
with High Aggressiveness
Psychology and Law, 15(3), 107—121.

Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3452-1133>, e-mail:
11025173@yandex.ru

Information about the authors

Elena L. Buslaeva, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department of Legal and Forensic Psychology and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation; Associate Professor of the Department of Psychology and Pedagogical Anthropology, Institute of Humanities and Applied Sciences, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1913-9198>, e-mail: moselena2201@yandex.ru

Nataliya V. Vlasova, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department of Legal and Forensic Psychology and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3452-1133>, e-mail: 11025173@yandex.ru

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в концепцию, проведение исследования, анализ данных и подготовку рукописи.

Author Contributions

The authors contributed equally to the research, data analysis, and preparation of this manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Декларация об этике

Авторы сообщают, что при проведении исследования соблюдены этические принципы, предусмотренные для исследований с участием людей.

Ethics Statement

The authors declare that the study complies with all ethical principles applicable to human.

Поступила в редакцию 24.03.2025
Поступила после рецензирования 23.06.2025
Принята к публикации 23.06.2025
Опубликована 30.09.2025

Received 2025.03.24
Revised 2025.06.03
Accepted 2025.06.03
Published 2025.09.30